XLIV г.—1905 г.

КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Еженедѣльное изданіе.

№ 50. Воскресеніе, 11 декабря.

Къ свѣдѣнію сотрудниковъ.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара, считаются безплатными. Непринятыя для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если присланы марки на пересылку. Рукописи, невостребованныя въ теченіе года, уничтожаются.

Часть неоффиціальная.

Пастырство и борьба политическихъ партій.

Русскому православному пастырству, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ вмѣшиваться непосредственно въ происходящую нынѣ борьбу политическихъ партій и *съ точки зрѣнія принциповъ, интересовъ и нуждъ пастырскаго служенія.*

Пастырское служеніе есть совершенно особенное въ ряду другихъ человѣческихъ служеній. Пастырь, какъ совершитель таинствъ и молитвенникъ, есть посредникъ между Богомъ и людьми. Съ открытою душею и чистою совѣстію онъ долженъ всегда становиться предъ престоломъ Божіимъ для совершенія таинствъ и *для молитвы о всѣхъ своихъ пасомыхъ безъ всякаго различія.* Всегда онъ долженъ быть готовъ сказать предъ Богомъ: „вотъ я, пастырь, и вотъ овцы мои". Душа пастыря, какъ и жилище его, должны быть *всегда открыты и доступны для всякаго рѣшительно члена приходской общины.* Всякому приходящему онъ долженъ дать совѣтъ, наставленіе, руководство, утѣшеніе. Такія отношенія между пастыремъ и пасомымъ могутъ быть, разумѣется, толь-

ко тогда, *когда между ними будетъ существовать полный миръ и совершенное довѣріе.*

Вся жизнь человѣческая должна быть предметомъ служенія и вниманія пастыря. Все, что происходитъ въ жизни пасомыхъ, чѣмъ они живутъ, что ихъ волнуетъ, должно быть извѣстно пастырю и служить матеріаломъ и средствомъ въ его пастырскомъ попеченіи и служеніи, но только матеріаломъ и средствомъ, а отнюдь не самодовлѣющею цѣлію. Пасомые должны быть для пастыря гражданами двухъ міровъ, двухъ царствъ: временными членами земного царства и вѣчными членами небеснаго царства. Задача пастырскаго служенія заключается въ томъ, чтобы этихъ членовъ временнаго земного царства приготовить, сдѣлать достойными быть членами вѣчнаго небеснаго царства. Поэтому, пастырь долженъ знать всю земную жизнь пасомыхъ, пользоваться всѣмъ для того, чтобы направлять и вести ихъ по пути къ царству небесному. Каждый пастырь долженъ поступать въ своей дѣятельности такъ, какъ ап. Павелъ, который говоритъ о себѣ: „*для всѣхъ я сдѣлался всѣмъ, чтобы спасти по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ*" (1 Кор. IX, 22). Какъ для врача тѣлеснаго, такъ и для пастыря, врача духовнаго, предметомъ преимущественнаго вниманія и служенія должны быть больные. По примѣру Спасителя, пастырь долженъ оставлять, когда бываетъ необходимо, 99 овецъ и розыскивать одну заблудившуюся овцу—грѣшника. Ничто, никакія препятствія не должны останавливать пастыря при отысканіи и возвращеніи заблудившейся овцы—грѣшника. *Между пастыремъ и пасомымъ не должно быть, по возможности, никакого средостѣнія.*

Если только вышеприведенная краткая характеристика пастырскаго служенія, сдѣланная, правда, ad hoc, съ опредѣленною цѣлію, справедлива, то само собою понятно, что участіе пастыря въ борьбѣ политическихъ партій наряду съ своими пасомыми несовмѣстимо съ его служеніемъ—съ принципами, цѣлями и средствами его служенія. Мысль эта ста-

нетъ для насъ еще болѣе понятною и ясною, когда мы разсмотримъ предметъ a contrario.

Допустимъ, что участіе пастырей въ борьбѣ политическихъ партій необходимо. Въ какомъ видѣ это участіе можетъ быть осуществлено? Очевидно, только въ двухъ видахъ: или все пастырство, всѣ священники могутъ образовать одну партію, которая затѣмъ будетъ дѣйствовать самостоятельно, или же пастырство соединится съ другою какою либо партіей, или, наконецъ, пастыри раздѣлятся между различными политическими партіями, которыя будутъ существовать въ данное время.

Разсмотримъ сначала первое положеніе. Прежде всего, мы не допускаемъ возможности, чтобы все пастырство могло слиться въ одну *политическую партію*. Организація политическихъ партій, кромѣ внѣшнихъ интересовъ (имущественныхъ, классовыхъ и др.), основывается еще на разнообразіи политическихъ убѣжденій индивидуумовъ. Поэтому, сліяніе всѣхъ пастырей въ одной какой либо политической партіи мыслимо только подъ условіемъ насилія и, въ крайнемъ случаѣ, усиленнаго вліянія. Съ другой стороны, мы рѣшительно не можемъ себѣ представить тѣхъ внѣшнихъ интересовъ, на основѣ которыхъ можетъ быть съорганизована священническая *политическая* партія. У пастырей, конечно, должны быть общіе духовные интересы, вытекающіе изъ общихъ принциповъ, средствъ и цѣлей пастырскаго служенія. Но эти духовные интересы пастырскаго служенія не имѣютъ ничего общаго съ *политическими* интересами.

Итакъ, мы не можемъ себѣ представить отдѣльную священническую *политическую* партію. Но допустимъ, что она все же такі будетъ. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что эта партія будетъ настолько ничтожна въ количественномъ отношеніи, что самостоятельно, отдѣльно отъ другихъ политическихъ партій она не можетъ ни существовать, ни проявлять своей дѣятельности. Останется тогда одинъ исходъ, предположенный уже нами раньше: партія эта при-

мкнетъ къ другой какой либо политической партіи, которую, разумѣется, она признаетъ наиболѣе подходящею къ ея собственнымъ принципамъ и задачамъ. Но въ такомъ случаѣ пастырство должно напередъ помириться съ тою участію, какая обыкновенно постигаетъ побѣжденныхъ (горе побѣжденнымъ!), когда будетъ побѣждена и та политическая партія, съ которою она соединитъ свои судьбы. А при существующемъ разобщеніи нашего духовенства и при его неопытности въ политическихъ вопросахъ, трудно предположить, чтобы наше духовенство могло безошибочно рѣшить вопросъ о томъ, какая политическая партія наиболѣе соотвѣтствуетъ интересамъ церкви и наиболѣе сильна.

Еще худшіе результаты могутъ получиться въ томъ случаѣ, когда духовенство разобьется между многими политическими партіями, уже теперь образовавшимися въ нашемъ государствѣ. Тогда прежде всего произойдетъ раздѣленіе въ самомъ пастырствѣ. Это раздѣленіе непремѣнно внесетъ страшную рознь и вражду въ среду пастырства, а это, въ свою очередь, самымъ печальнымъ образомъ отразится на всей его пастырской дѣятельности.

Затѣмъ мы рѣшительно не можемъ себѣ представить пастыря, увлеченнаго борьбою политическихъ партій, въ качествѣ приходскаго священника. Если только этотъ послѣдній примкнетъ къ какой либо одной партіи, то тѣмъ самымъ онъ неизбѣжно станетъ во враждебныя отношенія къ членамъ другихъ партій—своимъ прихожанамъ. Извѣстно, какою страстностію отличается обыкновенно борьба политическихъ партій даже въ Западной Европѣ. А у насъ, при болѣе низкомъ общемъ умственномъ уровнѣ и при неопытности въ политической дѣятельности, эта страстность должна обнаружиться еще въ болѣе крайнихъ проявленіяхъ. И что же? Каково будетъ тогда положеніе приходскаго пастыря, поставленнаго посреди прихожанъ, разбившихся на враждующія одна съ другою партіи? Каковы будутъ его отношенія къ прихожанамъ-членамъ тѣхъ политическихъ партій, которыя будутъ

враждебны партіи, къ которой онъ самъ будетъ принадлежать? Съ какими чувствами въ отношеніи къ прихожанамъ-членамъ другихъ партій будетъ такой пастырь приступать къ престолу Божію? Или съ какими чувствами будетъ принимать такой пастырь своихъ прихожанъ, несогласныхъ съ нимъ въ политическихъ убѣжденіяхъ, когда эти прихожане придутъ къ нему на исповѣдь? Или съ какимъ душевнымъ настроеніемъ подойдетъ самъ пастырь къ тяжко больнымъ, или умирающимъ своимъ прихожанамъ, членамъ другихъ противныхъ партій? Думается, что пастырству необходимо, крайне необходимо подумать и серьезно подумать надъ подобными вопросами и рѣшить ихъ, прежде чѣмъ перейти къ активному участію въ борьбѣ политическихъ партій. Необходимо при этомъ, чтобы въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ приняли дѣятельное и непосредственное участіе именно пастыри, а не свѣтскіе люди, и при томъ пастыри приходскіе. Священники безприходныхъ и домовыхъ храмовъ, а также и законоучители свѣтскихъ учебныхъ заведеній могутъ свободнѣе и развязнѣе отнестись къ рѣшенію таковыхъ вопросовъ и рѣшить ихъ односторонне.

Итакъ, скажутъ намъ, вы рекомендуете полное безучастіе пастырства къ политикѣ и къ борьбѣ политическихъ партій, совершенно равнодушное отношеніе къ такимъ важнымъ условіямъ современной жизни нашего общества? Но не будетъ ли это безучастіе равносильно полной небрежности пастырства къ своему долгу, къ своимъ прямымъ священнымъ обязанностямъ? Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли пастырь быть равнодушенъ къ такимъ вопросамъ, какъ составъ будущаго народнаго представительства, такое или иное направленіе дѣятельности будущей Государственной Думы? Помимо того, что дѣятельность будущей Государственной Думы касается прямо и непосредственно отчасти и церкви, положенія ея и самаго духовенства въ государствѣ, вся вообще дѣятельность Государственной Думы будетъ имѣть рѣшающее значеніе для жизни русскихъ людей, членовъ паствы, руко-

водить которою духовно призваны пастыри. Но само собою разумѣется, что благо, хотя бы даже и самое практическое, паствы не можетъ не быть близкимъ сердцу пастыря. Какъ же, скажутъ, послѣ этого пастырство можетъ безучастно и равнодушно относиться къ политикѣ и къ политическимъ партіямъ? Считаемъ необходимымъ высказать нѣсколько словъ по поводу этого весьма возможнаго и естественнаго серьезнаго вопроса.

Когда мы говоримъ, что пастырство не должно принимать непосредственнаго участія въ политикѣ и въ борьбѣ политическихъ партій, то этимъ мы отнюдь не желаемъ рекомендовать пастырству *полное и совершенное безучастіе, или равнодушіе къ политической жизни страны.* Пастырь есть гражданинъ своего отечества. Радости и скорби отечества, населенія его, паствы должны быть радостями и скорбями и пастырства. *Но отношеніе пастырства и къ политическимъ вопросамъ, какъ и ко всей вообще жизни своихъ пасомыхъ, должно быть не иное, какъ только пастырское.* У пастыря для всей его дѣятельности, чего бы она ни касалась, не должно быть иного знамени, кромѣ евангелія. И, съ другой стороны, у пастыря въ борьбѣ съ жизненнымъ зломъ не должно быть иного меча, кромѣ духовнаго, иного оружія, кромѣ опять таки евангелія. Пастырь можетъ и даже долженъ интересоваться политическою жизнію страны. Онъ долженъ знать и имѣть ясное представленіе о всемъ, что происходитъ въ политической жизни его народа. Онъ долженъ знать и программы политическихъ партій, ихъ настроеніе и ихъ взаимныя отношенія. Все это для него безусловно необходимо, чтобы дать надлежащее руководство своему пасомому, разъ тотъ обратится къ нему за совѣтомъ, или за помощію, или просто съ вопросомъ. Особенно это должно сказать относительно сельскихъ пастырей, которые часто являются единственными представителями интеллигенціи среди своей паствы. Но свое отношеніе къ политикѣ и къ политическимъ партіямъ пастырство должно основывать един-

ственно только на евангельскихъ, истинно христіанскихъ началахъ. Программы всѣхъ политическихъ партій пастырство должно освѣщать только съ точки зрѣнія этихъ началъ, указывая, что въ нихъ согласно съ христіанствомъ, а что—противно ему. Но принимать активное участіе въ борьбѣ политическихъ партій, образовывать свою особую политическую партію, или же примыкать къ какой либо готовой политической партіи пастырство, по нашему мнѣнію, не можетъ и не должно, ибо это несовмѣстимо съ его служеніемъ.

Еще одинъ вопросъ. Если бы наше пастырство устранилось отъ активнаго участія въ борьбѣ политическихъ партій, то не возненавидятъ ли его за это всѣ партіи, не сдѣлается ли оно предметомъ презрѣнія, не потеряетъ ли оно своего авторитета въ обществѣ? Намъ кажется, что этого не будетъ, разъ прямо будетъ заявлено, что пастыри не принимаютъ участія въ борьбѣ политическихъ партій. Положеніе пастырей въ отношеніи къ общественной жизни и, въ частности, къ борьбѣ политическихъ партій будетъ тогда аналогично до нѣкоторой степени положенію врачей, сестеръ милосердія и санитаровъ на войнѣ. Всѣ они присутствуютъ во время военныхъ дѣйствій среди своихъ соотечественниковъ, помогаютъ имъ (облегченіемъ страданій), но вмѣстѣ съ тѣмъ считаются какъ бы внѣ законовъ военнаго времени. Врачъ сегодня лѣчитъ русскаго, а завтра можетъ и долженъ лѣчить и японца, если этотъ будетъ взятъ въ плѣнъ. Отчего бы не занять и нашему пастырству такого же положенія въ отношеніи къ политикѣ и къ борьбѣ политическихъ партій?

Воззваніе о помощи голодающимъ братьямъ по вѣрѣ.

„*Дадите имъ вы ясти*“ (Матѳ. XIV, 16)

Этотъ Божественный призывъ Господа Спасителя къ дѣятельному попеченію о нуждахъ ближнихъ нашихъ со всею силою и неотложностію вѣщаетъ къ нашему, братіе, христіанскому долгу, въ настоящую тяжелую годину, когда ко всѣмъ инымъ бѣдствіямъ нашей отчизны присоединилось гро-

зное посѣщеніе Божіе—въ видѣ постигшаго многія губерніи средней полосы Россіи голода. Голодъ—страшное общественное бѣдствіе, особенно тяжкое и гибельное для земледѣльческой, сельско-хозяйственной страны, какова Россія, въ которой громадное большинство обитателей добываетъ себѣ пропитаніе обработкою земли и въ которой все народное благосостояніе зиждется на земледѣліи и сельскомъ хозяйствѣ.

И вотъ нынѣ, вслѣдствіе постигшаго многія мѣстности отечества нашего голода, десятки, сотни тысячъ и цѣлые милліоны жителей оказались на цѣлый годъ лишенными необходимаго пропитанія. Многія мѣстности уже въ августѣ не имѣли зерна на обсѣмененіе полей своихъ, и можно представить, какіе по-истинѣ грозные размѣры приняло бѣдствіе голода въ слѣдующіе мѣсяцы въ этихъ мѣстностяхъ. Недобрыя, но вполнѣ достовѣрныя вѣсти объ опасности голодной смерти не скота только, но и самихъ людей несутся изъ великорусской деревни. Люди всѣхъ возрастовъ, отъ престарѣлыхъ старцевъ до грудныхъ младенцевъ, переживаютъ тамъ мучительное чувство и состояніе безкормицы, и ни правительственная, ни земская помощь не въ состояніи покрыть эту вопіющую нужду.

Можемъ-ли мы, братіе, остаться безучастными къ этой острой, неотложной нуждѣ братьевъ нашихъ по вѣрѣ и крови, по сродству во Христѣ, по общей принадлежности къ единой благодатной Матери—Святой Церкви, по рожденію отъ общей природной матери—нашей родины? Можемъ ли считать для себя чѣмъ то далекимъ и постороннимъ великую скорбь присныхъ нашихъ, связанныхъ съ нами тысячами видимыхъ и невидимыхъ связей? Можемъ ли спокойно проводить жизнь свою въ то время, какъ гдѣ-то братья и сестры наши изнываютъ подъ гнетомъ страха смерти? Можемъ ли не утруждать себя заботою о нихъ только потому, что наша область кіевская, по милости Божіей, избѣгла тяжкаго бѣдствія голода, и мы ни на самихъ себѣ, ни на окружающихъ насъ не видимъ всѣхъ ужасныхъ послѣдствій голода средней Россіи?

Не можетъ быть, братіе, ничего подобнаго, если не умерло въ насъ всякое человѣческое чувство общности и состраданія къ себѣ подобнымъ, если не изсякло вовсе въ душахъ и совѣстяхъ нашихъ живое чувство христіанскаго долга любви милосердствующей! Убоимся, братіе, холодностью и равнодушіемъ къ бѣдѣ ближнихъ нашихъ оказаться повинными слову Христову: „*взалкахся, и не дасте ми ясти, возжадахся, и не напоисте Мене*“ (Матѳ. XXV, 42), и словамъ апостоловъ Христовыхъ: „*аще братъ или сестра наги будутъ и лишены будутъ дневныя пищи, речетъ же имъ кто отъ васъ: идите съ миромъ, грѣйтеся и насыщайтеся, не дастъ же имъ требованія тѣлеснаго, кая польза?*“ (Іак. II, 15, 16); „*аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не печется, вѣры отвергся есть, и невѣрнаго горшій есть*“ (1 Тим. V, 8).

Нѣтъ, братіе, какъ въ единомъ живомъ тѣлѣ человѣка, какъ въ правильно устроенномъ обществѣ человѣческомъ, такъ особенно въ Церкви Христовой дѣйствуетъ и имѣетъ силу одинъ и тотъ же законъ взаимодѣйствія членовъ или частей цѣлаго: „*страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ вси члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются вси члены*“ (1 Кор. XII, 26). Долгъ любви и взаимопомощи обязываетъ насъ, братіе, къ самому бдительному вниманію, къ самому неослабному попеченію о вопіющихъ нуждахъ голодающихъ братій нашихъ. Сердцемъ, исходищемъ жизни нашей, отзовемся на вопль бѣдствующихъ братій; самую жизнь нашу, всѣ отправленія жизни своей, запечатлѣемъ печатью христіанскаго соболѣзнованія скорби ихъ, христіанской братской заботливостью объ утоленіи скорби сей. Совершаемъ ли обычный для каждаго трудъ житейскій, будемъ помнить, что благороднѣйшимъ изъ плодовъ труда сего будетъ то, если даяніемъ благимъ и доброхотнымъ удѣлимъ изъ достатка своего, стяжеваемаго трудомъ, часть нѣкую братьямъ голодающимъ. Ѣдимъ ли, пьемъ-ли, совершая сіе, какъ и все прочее, во славу Божію, не будемъ забывать братій нашихъ, тяжкимъ бѣдствіемъ голода лишенныхъ дневного пропитанія.

Веселимся ли (хотя и мало остается мѣста веселію въ сіи дни всенародной скорби нашей),—„поставимъ во главѣ веселія своего“ мысль и память объ алчущихъ пищи самой первой и необходимой. Постимся ли, воздерживаемся ли, по заповѣди Христовой и церковной, будемъ помнить завѣтъ пророка отъ лица Божія: *„вотъ постъ, который я избралъ: раздѣли съ голоднымъ хлѣбъ твой и скитающихся бѣдныхъ введи въ домъ; когда увидишь нагаго, одѣнь и отъ единокровнаго твоего не укрывайся“* (Ис. LVIII, 6—7). Сократимъ, уменьшимъ, елико возможно, даже законныя потребности наши, дабы имѣть возможность учинить требуемую апостоломъ мудрую „равномѣрность“, чтобы нашъ избытокъ былъ въ восполненіе недостатка братій нашихъ (2 Кор. VIII, 14).

Послужимъ Христу Спасителю нашему, заповѣдавшему намъ питать алчущаго брата,—Христу, любящему доброхотнаго дателя, Христу, одною рукою пріемлющему даяніе, а другою благословляющему усерднаго дателя, Христу, рекшему намъ: *„блаженнѣе есть паче даяти, нежели пріимати“* (Дѣян. XX, 35). Свящ. *А. Глаголевъ*.

Удобно-ли приходскому священнику заниматься сельскимъ хозяйствомъ? [1]

Занятіе сельскимъ хозяйствомъ очень часто служитъ источникомъ взаимной непріязни между священникомъ и его прихожанами. Вообразите себѣ, что крестьяне пустили свою скотину на батюшкинъ сѣнокосъ. Скотина привела сѣнокосъ въ такое состояніе, что въ лучшемъ случаѣ батюшка получаетъ только половину ожидаемой пользы. Или же—крестьяне причинили священнику большіе убытки, пустивъ нечаянно или намѣренно свою скотину на его поля съ хлѣбомъ. Такъ какъ такое опустошеніе крестьянами производится часто, то

---

[1]) Окончаніе. См. Кіев. Епарх. Вѣд. № 48.

священникъ, въ предотвращеніе потерь на будущее время, преслѣдуетъ крестьянъ судомъ; въ судѣ виновные наказываются арестомъ или денежнымъ штрафомъ, а за симъ слѣдуетъ скрытая или явная вражда наказанныхъ противъ батюшки. Или, быть можетъ, священнику лучше всего было бы не доводить дѣла до суда, а простить причинившихъ немалый ущербъ его хозяйству? Если да, тогда занятіе хозяйствомъ, какъ способъ улучшенія матеріальнаго благосостоянія священника, теряетъ всякій смыслъ, тогда оно будетъ чуть ли не пустой тратой времени, сопряженной съ вредомъ для пастырскаго дѣла и даже съ матеріальнымъ ущербомъ для экономическаго быта.

Уваженіе къ собственности другого у нашихъ крестьянъ развито слабо; не накажешь одного за убытки, вслѣдъ за нимъ, пользуясь снисходительностію батюшки, и другой, а тамъ третій, четвертый и т. д. заберутся съ своей скотиной на поля батюшки, и всякій будетъ себѣ просить прощенія, оправдываясь тѣмъ, что его скотина „первый разъ на батюшкиномъ полѣ". Непріятности между священникомъ и прихожанами, какъ рабочими, возникаютъ по самымъ различнымъ поводамъ. Укажу на нѣкоторые. Зимней порой являются къ священнику прихожане и просятъ дать денегъ на лѣтній отработокъ. Священникъ даетъ; прихожане лѣтомъ уклоняются отработать свой долгъ, все откладывая на дальше, пока и работы на полѣ не окончатся. Какъ взыскать священнику свои деньги, если неоднократныя напоминанія должникамъ не дѣйствуютъ на нихъ? Начинается свозка хлѣба. Если самъ хозяинъ не присутствуетъ на полѣ въ это время, возчики нерѣдко въ каждый оборотъ кладутъ по снопу хлѣба предъ скотиной. Взыскивай—непріязнь, не взыскивай—убыточно, и т. д. до безконечности. Священникъ Лещенецкій говоритъ: „я уже 14 лѣтъ веду хозяйство довольно обстоятельно и никогда у меня дѣло неудовольствія изъ-за сельско-хозяйственныхъ работъ не доходило до суда". Самъ о. Лещенецкій допускаетъ, значитъ, возможность неудовольствій на

почвѣ веденія сельскаго хозяйства между священникомъ и его прихожанами или вообще рабочими. И, на мой взглядъ, дѣло совсѣмъ не въ томъ, происходятъ ли эти неудовольствія отъ суда или безъ суда, но дѣло въ томъ, что неудовольствія вообще портятъ отношенія между пастыремъ и пасомыми. Если же о. Лещенецкій хотѣлъ вышеприведенной фразой указать ту степень неудовольствія, на которой собственно возникаетъ уже вражда, и взаимныя отношенія принимаютъ дурной оборотъ, то и въ этомъ случаѣ онъ не совсѣмъ вѣрно дѣло опредѣлилъ: очень часто и безъ суда, послѣ взаимныхъ непріятныхъ переговоровъ, возникаетъ непримиримая вражда между людьми и, въ частности, между прихожанами и пастыремъ. Кромѣ того, мнѣ кажется, что для доказательства извѣстной мысли неудобно приводить въ примѣръ хорошаго самого себя:—„*да хвалитъ тя искренній, а не твоя уста*" (Притч. 27, 2); и къ этому еще нужно добавить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ, до послѣдняго времени, условія веденія сельскаго хозяйства были настолько благопріятны, что взаимныя отношенія между прихожанами и священникомъ могли остаться дружелюбными и безъ особенныхъ усилій послѣдняго.

Во многихъ мѣстахъ веденіе священникомъ полевого хозяйства сопряжено съ тяжело преодолѣваемыми или же совсѣмъ неодолимыми препятствіями. Сюда относится, прежде всего, неплодородность почвы. О. Лещенецкому очень легко совѣтовать духовенству заняться сельскимъ хозяйствомъ,—у него въ Юшковомъ-Рогѣ чудная, плодороднѣйшая земля; здѣсь кстати и потрудиться: послѣ трудовъ своихъ онъ обильную жатву будетъ имѣть. А если бы о. Лещенецкій „вогнѣздился" на крайнемъ сѣверѣ Радомысльскаго уѣзда или въ иномъ, подобномъ сему, мѣстѣ, тогда бы нельзя было ему разойтись въ своихъ хозяйственныхъ затѣяхъ. Въ иныхъ мѣстахъ церковныя земли находятся за 10—15 верстъ и даже болѣе отъ прихода; неудобства хозяйничанья въ этихъ мѣстахъ очевидны. Въ другихъ мѣстахъ условія обработки полей, уборки

хлѣба, свозки и молотьбы его, въ силу издавна установившихся хозяйственныхъ традицій и иныхъ чисто мѣстныхъ обстоятельствъ, настолько тяжелы для священника, что занятіе сельскимъ хозяйствомъ даетъ ему въ его экономическомъ бытѣ самый ничтожный плюсъ, ради котораго положительно нѣтъ смысла нести всѣ хозяйственныя тяготы.

Извѣстно-ли, напримѣръ, о. Лешенецкому, что кое-гдѣ убираютъ рожь за четвертый, а пшеницу за пятый снопъ? Вѣроятно, не приходилось также о. Лещенецкому видѣть или слышать, что священникъ въ тридорога уже скошенный яровой хлѣбъ иногда вынужденъ отдавать вязать за пятый снопъ.

А то и совсѣмъ часто нельзя найти работника; измаешься самъ, бѣгая по селу, посылаешь церковнаго сторожа, свою прислугу за работниками, и никого нѣтъ. А хлѣбъ на полѣ стоитъ уже не только совсѣмъ зрѣлый, но и перезрѣвшій. Мучишься въ душѣ: на всѣхъ поляхъ работа кипитъ, а твоя нива ждетъ своей очереди, и неизвѣстно, какъ скоро она наступитъ. Глянешь на поля—кругомъ хлѣбъ снятъ, „только не сжата полоска одна", она батюшкина,—„вѣтеръ точитъ зерно, птица клюетъ его"; а сколько пропадаетъ его во время запоздалой уборки! Гдѣ до сего времени и благопріятны были условія веденія полевого хозяйства, въ настоящемъ году они поразительно измѣнились къ худшему, а нынѣшній годъ предвѣстникъ грядущихъ событій. Крестьянская рабочая сила всколыхнулась; войти въ русло обычнаго спокойнаго теченія сельско-хозяйственной промышленности трудновато. Не нужно быть пророкомъ, чтобы видѣть, какія произойдутъ перемѣны въ названной области. Все это на хозяйственныхъ дѣлахъ священника сильно отразится.

Хорошо хозяйничать крестьянину, такъ какъ онъ въ себѣ и своей семьѣ имѣетъ рабочую силу, онъ тщательно досмотритъ и свою рабочую скотинку, и свою ниву; онъ самъ слуга и хозяинъ, и это для него удобно. Хорошо хозяйничать помѣщику, такъ какъ у него есть цѣлая плеяда служа-

щихъ, которые блюдутъ хозяйственные интересы своего патрона; онъ держитъ полный живой и мертвый хозяйственный инвентарь, онъ располагаетъ достаточными средствами и можетъ безъ чувствительнаго ущерба для своего кармана поднять цѣну на рабочія руки. Священникъ находится внѣ этихъ условій; на прислугу положиться трудно: отпустишь ее одну на поле пахать, или на другую какую либо работу, скотина очень скоро лишится глазъ или ногъ, а то и совсѣмъ издохнетъ; быть самому на полѣ во все время работъ нѣтъ возможности, потому что служебныя обязанности священника требуютъ его присутствія и дома. Поэтому очень многіе священники производятъ полевыя работы не своей, а наемной скотиной, на полѣ сами не присутствуютъ, а по необходимости предоставляютъ работѣ идти самой по себѣ,—иначе говоря, непроизвольно ставятъ себя въ зависимость отъ обстоятельствъ отъ самаго начала и до конца полевыхъ работъ, что никакъ ужъ не согласуется съ веденіемъ раціональнаго хозяйства.

Есть еще одно обстоятельство, относящееся къ затронутому нами вопросу; о немъ тоже слѣдуетъ упомянуть. Я уже сказалъ, что успѣхъ въ сельскомъ хозяйствѣ священникъ будетъ имѣть только въ томъ случаѣ,—конечно, при наличности и другихъ благопріятныхъ условій,—если самъ непосредственное, активное участіе будетъ принимать въ веденіи его. Вести же самому хозяйство значитъ (не въ теоріи, а на практикѣ) быть подлѣ рабочихъ и самому нерѣдко обращаться въ чернорабочаго. Въ наблюденіи за работой и въ самой работѣ некогда охорашиваться; здѣсь уже пыль, грязь, навозъ, смола, потъ и многое другое въ этомъ родѣ—все мѣшается на тѣлѣ и одеждѣ священника и гораздо въ большемъ количествѣ, чѣмъ у крестьянина или вообще у работника—тому способствуютъ назорейскіе волосы священника и его спеціальная одежда. Невольное наше неряшество служитъ предметомъ частаго осмѣянія со стороны нашихъ беллетристовъ и причиною брезгливаго и пренебрежительнаго къ намъ

отношенія со стороны людей не нашего круга. Но въ этомъ еще полбѣды, хотя и это досадно и тягостно; главное же въ томъ, что священникъ можетъ быть ежедневно и даже нѣсколько разъ въ день вдругъ позванъ, то напутствовать больныхъ, то крестить дѣтей; тутъ ему необходимо касаться величайшей святыни нашей церкви. Постоянная близость священника къ святынѣ обязываетъ его быть всегда благоприличнымъ не только по чистотѣ духа, но и всей его внѣшности. „*Моисей... сними обувь твою съ ногъ твоихъ, потому что мѣсто, на которомъ ты стоишь, земля святая*" (Исх. 3, 5), а священникъ не только становится на святомъ мѣстѣ, но касается и освящающей мѣсто святыни. Въ нашей православной церкви установленъ обычай не омывать тѣла священника послѣ его смерти предъ погребеніемъ именно въ томъ предположеніи, что священникъ, какъ строитель таинъ Божіихъ и имѣющій постоянное близкое соприкосновеніе съ священными предметами, блюдетъ строго свою внѣшнюю чистоту. Кто изъ священниковъ хозяйничаетъ, трудится ради куска насущнаго хлѣба, тотъ не можетъ быть всегда въ требуемой чистотѣ: мыться и чиститься на день нѣсколько разъ у занятаго хозяйствомъ человѣка не хватитъ ни времени, ни охоты. Напрасно нѣкоторые говорятъ, что потертая, изорванная ряса и черныя грязныя руки батюшки по душѣ крестьянину, такой батюшка ближе къ народу: тотъ же самый народъ пользуется всякимъ случаемъ помыться и аккуратно одѣться. Не чистота и аккуратность въ одеждѣ и во всей внѣшности священника отдаляютъ его отъ народа, а франтовство и брезгливое отношеніе къ заскорузлости крестьянина. Вотъ чего нужно избѣгать, равно и своего собственнаго неряшества, которое легко и скоро къ священнику прививается.

Итакъ, удобно-ли священнику заниматься сельскимъ хозяйствомъ? Нѣтъ, скажу въ заключеніе, неудобно ему отдавать время, силы, энергію, часть своей души полевому хозяйству, все это ему очень нужно для многосторонняго свя-

того пастырскаго дѣла. Дать священнику десятины двѣ-три усадьбы еще слѣдуетъ: пусть бы матушка садила на ней огородинку. Но отъ всего остальнаго освободите насъ. Развяжите намъ руки, облегчите наши заботы о насущномъ кускѣ хлѣба, о воспитаніи нашихъ дѣтей, избавьте также насъ отъ лишнихъ канцелярскихъ обязанностей—этихъ вредныхъ суррогатовъ пастырства, и мы получимъ возможность вести свое святое дѣло съ большими силами и усердіемъ. Ужъ если образъ нашего служенія взятъ Самимъ Спасителемъ съ настоящихъ, неиносказательныхъ—пажити стада и пастыря, то нужно до конца во всемъ быть вѣрными этому образу. Кто, въ самомъ дѣлѣ, поручивъ стадо пастуху, требуетъ отъ него ходить за плугомъ, жать, молотить и т. д.? Пастухъ только то и знаетъ, что смотритъ за стадомъ, гонитъ его на тучное пастбище, поитъ его, охраняетъ отъ воровъ и дикаго звѣря и иныхъ опасностей; а хозяева стада даютъ пастуху готовый столъ и домъ и снабжаютъ его всѣмъ необходимымъ на зиму. Не то же ли должны сдѣлать хозяева врученнаго намъ стада, наше правительство, поставивъ насъ въ безпечальное бытіе со стороны нашего матеріальнаго благополучія? Средствъ, скажутъ, нѣтъ. Но, вѣдь, ни война, ни самыя затруднительныя обстоятельства государственной жизни не уменьшатъ же содержанія всѣхъ вообще работниковъ въ государствѣ; эти работники получаютъ часто и, вѣроятно, будутъ получать гораздо больше того, что стоитъ ихъ трудъ и что необходимо для жизни. Неужели работа въ области духа такъ ничтожна и незначуща, что труждающихся въ ней не слѣдуетъ ставить на одной доскѣ съ другими работниками? Многаго мы не хотимъ, дайте намъ необходимое только для нашего разумнаго существованія и для воспитанія нашихъ дѣтей, и мы, „сими довольни будемъ". Теперь въ стадѣ Христовомъ появилось много хищныхъ волковъ, пажить тоже стала чрезвычайно обширна, легко заблудиться овцамъ на ней. Если хозяевамъ стада дорого православіе, дорога истина Христова евангелія, они снимутъ лишнее бремя заботъ съ пастырей о

содержаніи себя и семьи, чтобы священники были только лишь пастырями, заботились только лишь о своемъ стадѣ;— а то, вѣдь, все стадо можетъ разбѣжаться или сойти на пажити съ ядовитыми злаками, когда пастырь начнетъ пахать, сѣять и собирать урожай.

Еще нѣсколько словъ: пастыри непремѣнно должны быть „добрыми". Это свойство, само собой понятно, не можетъ быть воспитано однимъ только приличнымъ окладомъ жалованья. Къ пастырскому подвигу, какъ и вообще ко всякой работѣ, кромѣ всего прочаго, требуется призваніе. Призваніе къ какому нибудь роду дѣятельности не есть привиллегія одного какого либо сословія. Нужно также вполнѣ сознательное отношеніе къ выбору рода дѣятельности. Отсюда сами собой возникаютъ вопросы: зачѣмъ эти низшія и среднія спеціально духовныя заведенія, главнымъ образомъ, для дѣтей духовенства? нельзя ли ихъ обратить въ общеобразовательныя учебныя заведенія типа гимназій съ тѣмъ, чтобы прошедшіе полный ихъ курсъ юноши направлялись въ высшія учебныя заведенія по своему выбору и, между прочимъ, на богословскіе факультеты, кто пожелаетъ готовить себя къ пастырству? нельзя ли, наконецъ, установить какой-нибудь болѣе солидный предѣльный возрастъ для ищущихъ священства, чтобы безусые и безбородые юнцы въ двадцатилѣтнемъ долгожитіи не принимали на свои неокрѣпшія юныя плечи страшно отвѣтственной тяготы пастырства? Усерднѣйше прошу, отцы, отзовитесь!.

Священникъ *Н. Дробницкій.*

Забастовка воспитанниковъ Кіевской духовной семинаріи и отношеніе родителей къ своимъ дѣтямъ-забастовщикамъ[1]).

Въ настоящее тяжелое и смутное время недовольство существующимъ порядкомъ принято выражать въ формѣ за-

[1]) Рефератъ, читанный на пастырскомъ собраніи Кіевскаго духовенства 1 декабря 1905 года.

бастовки, которая для забастовщиковъ служитъ средствомъ къ достиженію намѣченныхъ ими цѣлей. Бастуютъ студенты университетовъ и институтовъ, бастовали желѣзнодорожные служащіе, рабочіе на фабрикахъ и заводахъ, кухарки, прачки, и т. д. Эта эпидемическая болѣзнь настоящаго времени коснулась и нашихъ духовныхъ школъ: забастовали и воспитанники нашей семинаріи.

Такъ какъ я, бывшій воспитанникъ Кіевской духовной семинаріи, всегда питалъ и питаю къ ней чувства сыновняго уваженія, и такъ какъ теченіе жизни семинарской всегда меня интересовало, и выдающіяся проявленія этой жизни вызывали во мнѣ то или иное чувство, то и забастовка семинаристовъ, какъ явленіе изъ ряда вонъ выходящее, не могла пройти мимо моего вниманія, не затронувъ моего чувства, и я считаю умѣстнымъ и благовременнымъ высказать свой взглядъ на эту забастовку воспитанниковъ нашей духовной семинаріи и сказать нѣсколько словъ касательно, повидимому, безучастнаго отношенія родителей къ своимъ дѣтямъ-забастовщикамъ.

Воспитанники семинаріи, знакомые съ современнымъ броженіемъ, составили петицію и 6 октября вручили ее о. ректору семинаріи, который, принявъ петицію и желая добра своимъ питомцамъ, убѣждалъ ихъ и даже, какъ мнѣ передавали, просилъ ихъ не прекращать занятій, такъ какъ, и помимо ихъ требованій, вопросъ о преобразованіи духовной школы уже близокъ къ разрѣшенію. Но воспитанники, не внявъ доброму совѣту своего начальника, отказались продолжать занятія и оставили школу, давъ другъ другу слово не возвращаться въ нее до полученія удовлетворенія. За этимъ послѣдовало вполнѣ правильное, по моему, и логичное постановленіе правленія семинаріи считать воспитанниковъ, подписавшихъ петицію и отказавшихся продолжать занятія, уволенными, такъ какъ фактически они сами уволились, а правленіе семинаріи только констатировало фактъ.

Нѣсколько выше я сказалъ, на основаніи полученныхъ мною свѣдѣній, что семинаристы подали петицію, находясь подъ вліяніемъ общаго броженія; полагаю, что и въ составленіи самой петиціи работали также посторонніе лица и только съ участіемъ нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ высшихъ классовъ семинаріи, такъ какъ сами воспитанники семинаріи, съ которыми мнѣ приходилось разсуждать касательно требованій ихъ петиціи, не могли дать мнѣ сколько нибудь толковыхъ и разумныхъ объясненій требуемаго ими въ петиціи; а нужно было бы семинаристамъ, если только они подписали свою петицію сознательно, уразумѣть сущность и значеніе требованій своихъ, хотя бы для того, чтобы не компрометировать себя и въ этомъ отношеніи,—не возбуждать смѣха у своихъ собесѣдниковъ непониманіемъ требуемаго, и чтобы быть уже вполнѣ солидарными съ своими руководителями.

Обсуждая поступокъ семинаристовъ, я нахожу его мало осмысленнымъ, чтобы не сказать больше, и далеко незаконнымъ. Поступая въ семинарію, каждый воспитанникъ долженъ былъ знать, чему учатъ въ семинаріи, какова постановка самаго обученія и воспитанія и цѣль, и, если все это не удовлетворяетъ требованіямъ, не поступать въ семинарію, а искать другого учебнаго заведенія, болѣе подходящаго; или же для того, чтобы, поступивъ въ семинарію, имѣть право предъявлять свои требованія касательно всевозможныхъ реформъ, нужно было бы, чтобы каждый воспитанникъ, поступая въ семинарію, предъявлялъ бы свои условія, при соблюденіи которыхъ онъ можетъ учиться; тогда, разъ бы онъ былъ принятъ на извѣстныхъ условіяхъ, онъ имѣлъ бы право и настаивать на выполненіи ихъ и то законнымъ порядкомъ. Но вѣдь этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ, то гдѣ же смыслъ и законное основаніе со стороны ученика дерзко предъявлять свои требованія реформъ и прекращать занятія? Вѣдь не семинарія, а сами ученики и ихъ родители просили семинарское начальство, часто даже со слезами, о принятіи ихъ дѣтей въ число воспитанниковъ семинаріи, изъ которыхъ сироты и дѣти

бѣднѣйшихъ родителей пользуются полнымъ казеннымъ содержаніемъ, а другіе сравнительно за недорогую плату пользуются въ общежитіи всѣмъ необходимымъ; и ихъ приняли въ семинарію естественно для того, чтобы они учились подъ непосредственнымъ руководствомъ начальниковъ и наставниковъ, къ нимъ приставленныхъ. Но современные семинаристы, повидимому, поступили въ семинарію для того, чтобы заниматься въ ней, чѣмъ каждому понравится и изучать только то, что каждый считаетъ для себя пригоднымъ; даже проявили стремленіе избавиться отъ опеки начальства и самимъ заправлять теченіемъ школьной жизни, принявъ на себя руководящую иниціативу, что привело ихъ къ предъявленію требованій и до удовлетворенія ихъ къ прекращенію занятій. И это такъ поступили не мужи, совершенный возрастъ имущіе и могущіе о себѣ глаголать, а юноши, далеко не достигшіе совершеннолѣтія, за малымъ исключеніемъ, на которыхъ должна простираться еще въ полной силѣ законная опека родителей; и въ умственномъ отношеніи многіе далеко недозрѣлые, о чемъ свидѣтельствуетъ непониманіе многими изъ нихъ требованій своей петиціи; и будучи таковыми, какое они имѣли законное основаніе, не спросивши согласія своихъ родителей въ такомъ важномъ дѣлѣ, самолично и самовольно рѣшать свою участь?—Они нарушили уставъ и постановленія учебнаго заведенія, они попрали власть родительскую, бросивъ самовольно школу, сидятъ дома и ждутъ у моря погоды.

Допустимъ даже, что наша духовная школа не удовлетворяетъ запросамъ и требованіямъ современной жизни и нуждается въ реформахъ, но это дѣло не школьника, которому только нужно учиться, а объ этомъ должны позаботиться лица, близко стоящія къ учебному и воспитательному дѣлу, а также родители учащихся и вообще всѣ мы, отцы духовные, для которыхъ Кіевская духовная семинарія должна быть близка и родственна:—это общая мать наша, ибо въ свое время всѣхъ насъ она питала; и, если необходима реформа въ семинаріи, то эта реформа должна коснуться и всей нашей ду-

ховной школы, начиная съ низшей. У насъ бываютъ окружные и епархіальные съѣзды духовенства, бываютъ также и пастырскія собранія, на которыхъ родители учениковъ и вообще всѣ отцы духовные, если находили настоящую постановку школьнаго дѣла въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ неудовлетворительною, должны были высказать свои сужденія касательно желательныхъ преобразованій въ духовной школѣ и просить объ удовлетвореніи желаемаго въ законодательномъ порядкѣ; но, повторяю, это отнюдь не дѣло дѣтей-школьниковъ, которымъ нужно только учиться и быть благодарными за предоставленную имъ возможность получать образованіе, въ особенности казеннокоштнымъ ученикамъ, сознавая, что есть еще много дѣтей духовенства, лишенныхъ этой возможности за неимѣніемъ свободныхъ мѣстъ въ учебныхъ заведеніяхъ и по недостатку средствъ ихъ родителей. Но что же дѣлать?—Фактъ печальный совершился; дѣти-школьники, бросивъ школу, сидятъ дома и, томясь духомъ, теряютъ попусту дорогое время. Неужели родителямъ пріятно видѣть дѣтей своихъ въ такомъ положеніи? Не думаю, чтобы поступокъ семинаристовъ доставилъ удовольствіе ихъ родителямъ и чтобы послѣдніе были солидарны съ своими дѣтьми въ ихъ дѣйствіяхъ и оправдывали ихъ. Напротивъ такой поступокъ со стороны дѣтей-школьниковъ можетъ только оскорбить и огорчить родителей; и сколько мнѣ приходилось слышать сужденія по этому поводу отъ отцовъ-собратьевъ,—всѣ они возмущены поступкомъ семинаристовъ. Но пора бы, наконецъ, родителямъ подумать объ участи своихъ дѣтей-забастовщиковъ; странно, что до сихъ поръ не видно активнаго участія ихъ къ своимъ дѣтямъ. Въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, нужно послѣдовать примѣру хоть бы родителей, дѣти которыхъ учатся въ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, которые, являясь на совѣты въ эти училища, высказываются противъ всякихъ забастовокъ и просятъ учебныя заведенія продолжать занятія. Такъ и родители нашихъ семинаристовъ должны бы, по-моему, обратиться съ просьбой къ семинар-

скому правленію открыть двери школы и возобновить занятія. И я лично противъ всякихъ уступокъ въ настоящее время, такъ какъ эти уступки не приводятъ къ добру, а порождаютъ еще худшее зло, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться, слѣдя за современнымъ теченіемъ жизни; вѣдь дѣлались уступки забастовщикамъ разными учрежденіями, и что же? Успокоились они?—Нѣтъ!—продолжаютъ попрежнему бастовать, потому что требованіямъ человѣка, повидимому, нѣтъ границъ, и даже пораждаютъ въ забастовщикахъ сознаніе, что ими нуждаются, ихъ начальство боится, разъ дѣлаетъ уступки; а это сознаніе опять таки гибельно можетъ отражаться на правильномъ теченіи школьной жизни.

Воспитанникамъ же семинаріи, сумѣвшимъ порвать связь съ школой, нарушить мирное теченіе ея жизни, нужно сумѣть и возстановить эту связь,—пора уже опомниться! Совѣтовалъ бы каждому изъ воспитанниковъ, не теряя дорогого времени, подать прошеніе о принятіи въ семинарію для продолженія занятій, что уже нѣкоторыми благоразумными и сдѣлано, какъ мнѣ извѣстно. Быть можетъ, васъ стѣсняетъ данное слово другъ другу. Но вѣдь сознайтесь, что ваша забастовка есть актъ насилія, такъ какъ мнѣ извѣстно, что большинство было противъ забастовки и прекращенія занятій, и обязательство другъ другу было дано въ возбужденномъ состояніи духа, когда о правильномъ функціонированіи сознанія не могло быть и рѣчи; въ данномъ случаѣ громадную роль сыгралъ ложный стыдъ: нашлись умники—товарищи, которые вздумали совершить переворотъ, и стали подстрекать остальныхъ къ преступнымъ дѣйствіямъ, ну и что жъ? нельзя было не пристать къ нимъ, стыдно было показаться недорослемъ, боящимся гнѣва отца и матери и начальства учебнаго заведенія. Этотъ-то стыдъ, который по слову Божію есть „стыдъ, наводяй грѣхъ“ (Сир. 4, 25), и послужилъ главною силою, побудившей семинаристовъ на необдуманный поступокъ. Такой стыдъ самъ по себѣ есть грѣховное начало и приводитъ къ самимъ пагубнымъ послѣдствіямъ: онъ побудилъ

и Ирода усѣкнуть главу св. Іоанна Крестителя, но по этому поводу въ церковной пѣсни говорится: „лучше бѣ Ироду солгавшу жизнь получити, неже истинствовавшу главу Предтечеву усѣкнути“ (ст. на Госп. воззв. 29 августа); такъ и воспитанникамъ семинаріи лучше нарушить данное слово, такъ какъ оно противозаконно, чѣмъ терять дорогое время и губить себя. И я полагаю, что семинарское начальство, трактуя въ стѣнахъ ввѣреннаго ему учебнаго заведенія о Богѣ, какъ всеобъемлющей и всепрощающей Любви, приметъ и васъ, пришедшихъ съ раскаяніемъ, какъ Отецъ Небесный принялъ блуднаго сына, покаявшагося и паки къ Нему возвратившагося. А вы, успокоенные въ своей совѣсти, начните мирную и спокойную школьную жизнь, столь необходимую для блага церкви и отечества и на радость своимъ родителямъ; и съ насъ—духовенства снимите непріятное пятно, ибо вашу забастовку и намъ ставятъ въ укоръ. Я лично противъ всякихъ забастовокъ, считая это дѣйствіе скопомъ насиліемъ надъ совѣстію человѣка; и вотъ мнѣ пришлось говорить относительно забастовокъ съ евреями, которые не преминули поставить мнѣ на видъ забастовку въ нашихъ духовныхъ школахъ. Какъ я ни защищалъ воспитанниковъ нашей духовной школы, доказывая, что въ ихъ забастовкѣ нѣтъ ничего политическаго, но нужно сознаться, что и забастовка нашей духовной школы есть продуктъ современнаго вѣянія и носитъ въ себѣ тотъ же общій характеръ—недовольство существующимъ порядкомъ и стремленіе къ созданію другого лучшаго. А намъ и нашимъ школамъ, по-моему, нужно было бы отъ этого воздержаться въ настоящее время, дабы не увеличивать ранъ и безъ того наболѣвшаго сердца нашей страждущей родины. Свящ. *Д. Романовскій.*

По поводу статьи—„Отвѣтъ о. Павлу Матушевичу“.

Тяжелое впечатлѣніе остается послѣ прочтенія „отвѣта“.—Обидчивы миссіонеры.

Съ такою полемикою привыкли мы встрѣчаться на третьей страницѣ уличныхъ листковъ свѣтской прессы.

Тонъ статьи о. Матушевича много приличнѣй.

Трудно согласиться съ о. Матушевичемъ, его легко разбить и доказать, что во всѣхъ своихъ положеніяхъ онъ неправъ, ошибается, но зачѣмъ примѣшивать сюда личные счеты, зачѣмъ понадобилась тонкая инсинуація на личность и дѣятельность оппонента?

Миссіонеры и миссія ничего не выиграютъ, если будетъ доказано, что о. Матушевичу не даютъ спать чужія десятинки богатыхъ приходовъ.

О. Матушевичъ неправъ, когда печальный конецъ холмско-уніатскаго вопроса всецѣло приписываетъ миссіонерамъ. Виноваты и приходскіе пастыри; и даже не пастыри, а общія ненормальныя условія жизни и дѣятельности всѣхъ насъ пастырей. Ну, а миссіонеры? Куда дѣвались результаты работы почтенныхъ дѣятелей миссіи? При первомъ натискѣ, все зданіе рухнуло. Ясно, что строители—высшая власть, пастыри *и миссіонеры*—давали матеріалъ негодный для крѣпкой постройки.

Желаніе почтенныхъ кіевскихъ миссіонеровъ защитить дѣятелей миссіи—вполнѣ естественно, на то они и миссіонеры. Но когда о. Матушевичъ говорилъ о десятинкахъ, то это миссіи совсѣмъ уже не касалось; сами миссіонеры сознаются, что дѣло миссіи поставлено теперь ненормально, что она не въ состояніи удовлетворить всѣмъ предъявляемымъ къ ней требованіямъ и запросамъ. На съѣздѣ депутатовъ о. Потѣхинъ соглашался, что миссія въ настоящемъ своемъ положеніи не можетъ приносить желаемыхъ результатовъ, хвалилъ постановку этого дѣла у сектантовъ.

Открыто признаются недочеты въ постановкѣ миссіи; слѣдуетъ мириться и съ нападками на этотъ институтъ; и, скажемъ больше, не только мириться, а на всѣхъ перекресткахъ самимъ миссіонерамъ, какъ болѣе освѣдомленнымъ, кричать объ этихъ недочетахъ, неудачахъ миссіонеровъ.

Кажется намъ, что мало найдется пастырей, которые бы отрицали, что теперь-то именно Церковь Христова и должна развить всѣ свои миссіонерскія силы.

Истинная правда.

Но, добавимъ, нуждается теперь Церковь Христова *въ дѣйствительныхъ миссіонерахъ, кроткихъ благовѣстникахъ, а не самолюбивыхъ чиновникахъ, миссіонерахъ для карьеры.* Только такіе миссіонеры-благовѣстники удовлетворятъ всѣмъ нуждамъ этого по истинѣ великаго и святого дѣла. Способна ли миссія въ настоящемъ своемъ положеніи выполнить эту задачу, пусть скажутъ сами миссіонеры.

Намъ припоминаются слова одного миссіонера. Съ гордостью онъ говорилъ: „*я придерживаюсь такой тактики: являюсь въ приходъ, и если вижу, что приходской священникъ ничего не имѣетъ противъ моей бесѣды съ его прихожанами, я веду бесѣды, а если не желаетъ—ухожу*". Умываю руки. Знаю, что нужна, настоятельно нужна моя бесѣда для спасенія колеблющихся, но этого спасенія не хочетъ священникъ и я... ухожу.

Можно ли въ угоду личнымъ вкусамъ приходскаго пастыря жертвовать пользой Церкви Христовой?

Неужели боязнь потерять популярность и свой покой миссіонеръ ставилъ выше интересовъ Церкви Христовой? Печально. Развѣ миссіонеры не должны руководиться словами ап. Павла: „*проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ*" (2 Тим. 4, 2)?..

Корыстолюбивъ о. Матушевичъ, потому то онъ и осмѣлился заговорить о недочетахъ миссіи; стоитъ ли его слушать, вѣдь онъ только и мечтаетъ о десятинкахъ богатыхъ приходовъ. Корыстолюбіе ли говорило въ о. Матушевичѣ, явная ли несправедливость въ оцѣнкѣ равнаго труда, мы не знаемъ и не считаемъ себя въ правѣ рѣшать этотъ вопросъ.

Допустимъ, что и о. Потѣхинъ и г. Бѣлогорскій—ревностные миссіонеры, одинаково усердно трудятся, но о. Потѣхинъ получаетъ одну тысячу за свой трудъ, а г. Бѣлогорскій—двѣ (или наоборотъ). Интересно знать, какъ бы отнесся къ этому получающій одну тысячу, и кто намъ скажетъ, какъ

сильны были бы его вожделѣнія на счетъ чужой тысченки другого?...

О. Матушевичъ отрицательно относится къ миссіи и миссіонерамъ, но извѣстно, что его пасомые на краю гибели; нужно, очень нужно благовѣстіе миссіонеровъ, *но мы, миссіонеры, избѣгали посѣщать его приходъ и даже обѣщаемъ, что и впредь къ нему не прибудемъ.*

Спите спокойно, о. Матушевичъ, мы обидѣлись, тревожить себя изъ-за васъ и вашей паствы мы не намѣрены, гибните, а мы... тоже будемъ спать спокойно.

Спокойной ночи, г.г. миссіонеры.

Священникъ *Ф. Поповичъ.*

Изъ прошлаго Кіевской епархіи.

Послѣдніе годы жизни м. Варлаама Ясинскаго, назначеніе ему коадъютора и кончина его. Варлаамъ Ясинскій занялъ Кіевскую митрополичью каѳедру въ маститомъ возрастѣ, имѣя отъ роду около 63 лѣтъ. Но, какъ видно по всему, въ это время онъ былъ еще полонъ силъ и самой кипучей энергіи. Весьма энергично онъ принялся за многоразличные труды по управленію своею обширнѣйшею епархіею. Съ этими его трудами мы бо̀льшею частію уже знакомы. Къ сказанному выше здѣсь считаемъ необходимымъ прибавить только слѣдующее. М. Варлаамъ Ясинскій на первыхъ порахъ, видимо, желалъ возможно ближе и непосредственно познакомиться съ Кіевскою митрополіею-епархіею во всѣхъ ея частяхъ. Съ этою цѣлію онъ предпринималъ поѣздки по епархіи для обозрѣнія монастырей и церквей, находившихся нерѣдко весьма далеко отъ Кіева. Какъ неутомимъ былъ онъ въ этихъ своихъ объѣздахъ епархіи, можно видѣть хотя бы изъ того, что только въ сентябрѣ 1692 года, объѣзжая свою епархію, онъ успѣлъ побывать во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ и монастыряхъ. [1])

---

[1]) См. у С. Величка. Лѣтопись событій.. Т. Ш К. 1855 г стр. 102.

Неудивительно, если такая напряженная трудовая жизнь скоро надломила силы и энергію далеко немолодого архипастыря. Уже въ 1695 году м. Варлаамъ Ясинскій чувствовалъ себя настолько утомленнымъ и ослабленнымъ, что не стѣснялся даже открыто сознаваться въ невозможности для себя одними своими силами управиться съ обширною епархіею. 28 марта 1695 г. м. Варлаамъ Ясинскій, прося царя Петра I о назначеніи ему помощника, писалъ, что онъ „в старости своей немоществуетъ *и часто божественныя службы отправлять и іереевъ и діаконовъ поставляти не можетъ*“. [2])

На этомъ основаніи, м. Варлаамъ Ясинскій просилъ государя о разрѣшеніи ему поставить епископа въ Переяславъ съ тѣмъ, чтобы тотъ помогалъ больному и престарѣлому митрополиту въ управленіи его епархіею. Отъ государя на этотъ разъ послѣдовалъ указъ о томъ, чтобы м. Варлаамъ Ясинскій посовѣтовался по данному вопросу съ малороссійскимъ гетманомъ и, выработавъ совмѣстно съ нимъ проектъ о томъ, „въ какомъ поведеніи тому епископу при митрополитѣ въ Кіевѣ, или въ Переяславлѣ быть, и гдѣ ему жить и чѣмъ епископскія должности, чинъ и всякое требованіе имѣть“ донесъ объ этомъ государю.

Спустя три года, въ 1698 году уже гетманъ И. С. Мазепа отъ себя возбудилъ ходатайство предъ государемъ о разрѣшеніи Кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому посвятить, съ патріаршаго благословенія, въ помощь себѣ епископа въ Переяславъ, гдѣ гетманъ строилъ нарочито для сего и церковь. Государь снова повелѣлъ м. Варлааму Ясинскому, чтобы онъ, посовѣтовавшись предварительно съ гетманомъ, представилъ свои соображенія о томъ, „чѣмъ тому Переяславскому епископу епископскія должности, чинъ и всякое требованіе имѣть, кто на эту епископію обранъ въ епископы“, и до полученія царскаго указа не поставлять новоизбраннаго епископа въ Переяславъ. Когда всѣ эти соображенія были представлены

---

[1]) См. у м. Евгенія. Описаніе Кіево-Соф. соб. К. 1825 г. Прибав. № 30 стр. 155.

изъ Кіева въ Москву, то царь Петръ I разрѣшилъ и п. Адріанъ благословилъ м. Варлааму Ясинскому поставить въ Переяславъ епископомъ игумена Кіево-Михайловскаго монастыря Захарію Корниловича. Въ 1701 г. Захарія Корниловичъ былъ хиротонисанъ въ епископа Переяславскаго, коадъютора Кіевской митрополіи, при чемъ ему были поручены церкви Переяславскаго полка и велѣно было „всегда подъ послушаніемъ престола митрополитанскаго спомоществованіемъ быть.“[1])

Назначеніе коадъютора несомнѣнно принесло съ собою великое облегченіе престарѣлому архипастырю и дало ему возможность еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ значительною пользою управлять Кіевскою митрополіею-епархіею. Однако уже въ это время (1701 г.) м. Варлаамъ Ясинскій былъ весьма слабъ здоровьемъ. Священникъ Іоаннъ Лукьяновъ, посѣтившій въ этомъ году Кіевъ и видѣвшій м. Варлаама Ясинскаго на служеніи, говоритъ о немъ въ своихъ запискахъ: „*старехонекъ миленькой, а охочъ до органистова пѣнія*“. [2])

Съ теченіемъ времени силы и здоровье м. Варлаама Ясинскаго все болѣе и болѣе ослабѣвали. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ былъ уже такъ слабъ, что его принуждены были носить въ церковь, тогда какъ прежде онъ, по свидѣтельству м. Евгенія, „и по монастырямъ на служеніе пѣшъ ходилъ“.[3])

М. Варлаамъ Ясинскій скончался 22 августа 1707 г. и, согласно его завѣщанію, погребенъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ.

Характеристика личности и дѣятельности м. Варлаама Ясинскаго. Въ лицѣ м. Варлаама Ясинскаго мы видимъ, безъ всякаго сомнѣнія, одного изъ самыхъ выдающихся іерарховъ Кіевскихъ въ XVII—XVIII в.в. Варлаамъ Ясинскій являетъ себя въ жизни и дѣятельности своей ученикомъ м. Петра Могилы и носителемъ духа его школы. Будучи самъ высокообразованнымъ („многоученнымъ“, какъ справедливо отзывались о немъ современники его) іерархомъ, Варлаамъ Ясинскій былъ вмѣ-

[1]) См. тамъ же. Прибавл. № 31 стр 156—160.

[2]) См. М. А. Максимовича. Собраніе сочиненій, т I. К. 1876 г. стр. 537.

[3]) См. у м. Евгенія. Описаніе Кіево-Соф соб. К. 1825 г. стр. 212.

стѣ съ тѣмъ однимъ изъ замѣчательныхъ покровителей просвѣщенія въ Кіевѣ въ концѣ XVII в. и въ началѣ XVIII в. Особенно замѣчательна, по своей исключительности, та горячая любовь, какую вносилъ Варлаамъ Ясинскій во всѣ свои заботы о развитіи науки и о распространеніи просвѣщенія въ Кіевѣ, въ частности, среди Кіевскаго духовенства. Одушевленный любовью и беззавѣтною преданностію этой идеѣ просвѣтительнаго служенія, м. Варлаамъ, казалось, не зналъ предѣловъ своихъ заботъ въ этомъ направленіи.

До самой глубокой старости м. Варлаамъ Ясинскій самъ лично сохранилъ любовь къ наукѣ. Замѣчательно, что и, въ бытность свою митрополитомъ, посреди многосложныхъ заботъ и трудовъ, Варлаамъ Ясинскій не прерывалъ живыхъ письменныхъ сношеній съ протестантскими заграничными учеными богословами, съ которыми онъ завязалъ знакомство во время обученія своего въ заграничныхъ школахъ. Результатомъ этихъ сношеній явилось даже любопытное движеніе среди польскихъ протестантовъ въ пользу соединенія съ православною церковью. Движеніе это живо отразилось въ перепискѣ м. Варлаама съ Іоганномъ Эрнстомъ и др. протестантскими богословами. [1])

М. Варлаамъ Ясинскій былъ горячимъ патріотомъ, можно сказать, даже мѣстнымъ патріотомъ. Эта черта въ его характерѣ и дѣятельности даетъ себя ясно чувствовать во многихъ фактахъ его жизни. Такъ, онъ былъ убѣжденнымъ противникомъ идеи подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патріарху, за что ему пришлось даже много потерпѣть впослѣдствіи. Сдѣлавшись уже митрополитомъ, Варлаамъ былъ ревностнымъ блюстителемъ правъ и прерогативъ власти Кіевскаго митрополита, бдительно охранявшимъ ихъ отъ всякихъ поползновеній на ихъ ограниченіе со стороны Московскихъ патріарховъ и тѣмъ болѣе со стороны мѣстныхъ представителей русскаго правительства въ Кіевѣ. Вспомнимъ, напр., от-

---

[1]) См. Моск. Арх. Мин. Юст. книги Малорос. приказа №№ 67 л. л. 712—720 об. и 70 л. л. 1. 5. 9 об. 25 об. и др.

вѣтъ м. Варлаама Ясинскаго воеводѣ кн. Хованскому, когда тотъ вздумалъ было обратиться къ владыкѣ съ требованіемъ не посвящать Слуцкаго архимандрита Серапіона Полховскаго въ санъ Бѣлорусскаго епископа безъ предварительнаго сношенія съ правительствомъ и патріархомъ! [1])

Съ такою же бдительностію м. Варлаамъ Ясинскій охранялъ и всѣ особенности мѣстной церковной жизни и богослужебной практики въ Кіевѣ.

Но всего этого еще совершенно недостаточно для того, чтобы на м. Варлаама Ясинскаго можно было смотрѣть, какъ на сепаратиста, который, будто бы, былъ болѣе расположенъ въ сторону Польши, нежели Россіи. Фактъ сношеній Варлаама Ясинскаго съ польскимъ правительствомъ, на который ссылается польскій историкъ А. Яблоновскій, [2]) устанавливающій подобное именно воззрѣніе на Варлаама Ясинскаго, понимается въ данномъ случаѣ совершенно превратно. Сношенія Варлаама Ясинскаго съ польскимъ королемъ Михаиломъ Вишневецкимъ въ 1670 г. были отнюдь не „тайною высылкою агента", а совершенно явными и законными сношеніями между вѣрноподаннымъ гражданиномъ Польши, какимъ тогда былъ Варлаамъ Ясинскій, и законнымъ государемъ его. [3]) Другихъ какихъ либо фактовъ тайнаго сношенія м. Варлаама Ясинскаго съ польскимъ правительствомъ послѣ того, какъ Кіевъ въ 1686 г. перешелъ окончательно отъ Польши къ Россіи, исторія не знаетъ.

Вообще насколько м. Варлаамъ Ясинскій до 1686 г. былъ видимымъ противникомъ идеи подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патріарху, настолько же онъ послѣ этого времени сдѣлался вѣрнымъ сыномъ своего русскаго отечества. Мы имѣемъ основанія утверждать, что м. Варлаамъ Ясинскій искренно, не на словахъ только, но и на дѣлѣ былъ преданъ русскому правительству. Особенно замѣчательны съ этой сто-

---

[1]) См. выше стр. 389 прим. 1.

[2]) См. Kwartalnik Historyczny 1902 г XVI zeszyt s. 560.

[3]) См. у Н. И. Петрова. Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в. К. 1895 г. стр. 33.

роны сношенія м. Варлаама Ясинскаго съ запорожскими козаками и его увѣщательныя посланія къ нимъ, имѣвшія цѣлію привлечь запорожцевъ на сторону Москвы. Между прочимъ, 9 ноября 1692 года м. Варлаамъ Ясинскій удостоился получить „милостивое царское слово" за свои увѣщательныя посланія къ запорожцамъ. Такъ, слѣдовательно, русское правительство цѣнило его вѣрную службу себѣ. [1])

Въ отношеніи къ духовенству и ко всей вообще паствѣ, порученной его пастырскому попеченію, м. Варлаамъ Ясинскій былъ архипастыремъ властнымъ, твердымъ, строгимъ и внимательно слѣдившимъ за религіозно-нравственною жизнію того и другой и за исполненіемъ ими своихъ пастырскихъ и христіанскихъ обязанностей.

Епархіальная хроника.

Пастырское собраніе. 1 декабря, вечеромъ, въ залѣ религіозно-просвѣтительнаго Общества происходило собраніе пастырей г. Кіева (въ числѣ 35), подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Платона, епископа Чигиринскаго. Собраніе было созвано для обсужденія мѣропріятій о помощи бѣдствующимъ отъ неурожая. Въ средней полосѣ Россіи неурожай въ нынѣшнемъ году охватилъ болѣе 20 губерній. Въ настоящіе тяжелые годы правительство не можетъ накормить всѣхъ голодающихъ, а потому всякій частный починъ въ этомъ дѣлѣ не только желателенъ, но и необходимъ. Накормить голоднаго—святая обязанность пастырей.

Пастырское собраніе, глубоко сострадая бѣдствующимъ отъ неурожая, выработало мѣропріятія для оказанія имъ помощи. Эти мѣропріятія, по утвержденіи ихъ Его Высокопреосвященствомъ, будутъ опубликованы въ епархіальномъ органѣ, въ надеждѣ, что къ почину пастырскаго собранія примкнетъ все духовенство Кіевской епархіи.

[1]) См. Москов. Арх. Мин. Юст., книги Малорос. приказа № 65 л. л. 1224—1225 об. ср. кн. № 86 л. л. 946—951 и 970—970 об.

Въ томъ же засѣданіи былъ заслушанъ и обсуждался помѣщенный въ этомъ № рефератъ священника Д. Романовскаго объ отношеніи духовенства къ забастовкамъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

4 декабря. Въ день памяти св. Великомученицы Варвары въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ торжественное богослуженіе, съ обнесеніемъ св. мощей Великомученицы Варвары, совершено было преосвященнымъ Агапитомъ, епископомъ Уманскимъ.

Вечеромъ того-же дня въ залѣ религіозно-просвѣтительнаго Общества, послѣ очередныхъ воскресныхъ чтеній, Преосвященный Епископъ Платонъ обратился къ многочисленнымъ слушателямъ съ призывомъ о помощи бѣдствующимъ отъ неурожая.

6 декабря. Въ день тезоименитства Его Императорскаго Величества, Государя Императора Николая Александровича, въ каѳедральномъ соборѣ литургію и молебенъ совершалъ преосвященный Платонъ, епископъ Чигиринскій. Въ служеніи молебна участвовало городское духовенство.

Въ тотъ же день вечеромъ въ залѣ религіозно-просвѣтительнаго Общества было предложено платное богословское чтеніе г. В. П. Родниковымъ на тему: „о христіанской любви".

Изъ письма священника Епифановскаго уѣзда (Тульской епархіи), пораженнаго неурожаемъ.

Въ этомъ году, по даннымъ Епифановской земской Управы, крестьяне не добрали съ своихъ надѣльныхъ земель, не считая арендныхъ, 1,626,390 пудовъ ржи, собравъ только 287,010 пуд., т. е. $^1/_7$ часть обыкновеннаго урожая.

Чтобы пополнить этотъ недостатокъ, правительство ассигнуетъ на продовольствіе 130,000 населенія нашего уѣзда, въ продолженіе 10 мѣсяцевъ, 1,050,000 пудовъ ржи, обязывая крестьянъ вернуть стоимость ихъ въ три года.

Отсюда видно, что 576,390 пудовъ остаются непополненными, и населеніе должно будетъ купить ихъ на наличныя деньги.

При распредѣленіи этой ссуды по душамъ, на каждаго взрослаго приходится по пуду, а на малолѣтняго по 20 фунт. въ мѣсяцъ. Этотъ казенный паекъ настолько малъ, что въ буквальномъ смыслѣ даетъ только право не умереть съ голоду. Но онъ не исключаетъ возможности смерти отъ проголоди, холода и отъ всѣхъ ужасныхъ болѣзней, развивающихся на почвѣ общей нужды.

Недоборъ же овса, исчисляющійся въ 856,416 пудовъ, не пополняется ничѣмъ. Вслѣдствіе этого крестьяне лишаются не только корма для скота, но и денежныхъ средствъ, которыя они выручали отъ продажи части овса для удовлетворенія своихъ хозяйственныхъ нуждъ.

Правительство не помогаетъ ни топливомъ, ни кормомъ для скота, безъ поддержанія котораго крестьянскому хозяйству грозитъ полный разоръ.

А между тѣмъ въ нашей степной мѣстности, лишенной лѣсовъ, гдѣ единственнымъ топливомъ служитъ солома, крестьяне не добрали ржаной соломы 271,065 копенъ, овсяной, служащей кормомъ для скота, 142,736 копенъ и сѣна свыше 500,000 пудовъ. Переводя на деньги общую стоимость недобора соломы ржаной, овсяной и сѣна, получимъ сумму въ 650,000 руб. Къ этому же необходимо прибавить еще милліонъ рублей, т. е. стоимость остающейся непополненной части ржи 576,390 пудовъ и стоимость неурожая овса также свыше $^1/_2$ милліона пудовъ.

Такимъ образомъ, крестьяне должны имѣть 1,650,000 руб., чтобы пополнить недостатокъ въ топливѣ, кормѣ и части ржи.

Откуда же возьмутъ они эти деньги, и кто поддержитъ здоровье населенія и спасетъ отъ разоренія его хозяйство? Земство занимаетъ у правительства 195 тысячъ руб., чтобы на эти деньги сдѣлать запасъ муки, топлива и корма, установить на нихъ опредѣленную цѣну и по заготовительной цѣнѣ продавать эти продукты населенію.

Помощь, такимъ образомъ, только относительная. Но земство, какъ учрежденіе чисто-хозяйственное, не можетъ поступать иначе.

Приблизительныя цѣны, устанавливаемыя земствомъ, таковы: мука 90 коп., дрова осиновыя сырыя 17 р. 90 к., сѣно 33 коп. за пудъ.

Чтобы облегчить населенію, не имѣющему топлива, покупку печенаго хлѣба, земство устраиваетъ въ уѣздѣ хлѣбопекарни съ продажей изъ нихъ хлѣба населенію по 2 коп. за фунтъ.

Что же касается исключительно даровой помощи, то таковую можетъ оказывать только образованный у насъ благотворительный Комитетъ, объединяющій дѣятельность всѣхъ приходскихъ попечительствъ въ уѣздѣ.

Но средства Комитета очень невелики: пока поступило 8000 руб. частныхъ пожертвованій и 22—23 тысячи, отпущенныхъ правительствомъ на нашъ уѣздъ безвозвратно.

На эти деньги Комитетъ призрѣваетъ всѣхъ безземельныхъ, бывшихъ дворовыхъ, больныхъ и убогихъ, устраиваетъ 2 столовыхъ и вводитъ въ школахъ горячую пищу для дѣтей.

Въ поискахъ за средствами Комитетъ обратился къ Обще-Земской Организаціи, у которой имѣется 600,000 руб.

Но при неурожаѣ, постигшемъ 23 губерніи, изъ которыхъ положеніе девяти признанно особо бѣдственнымъ, помощь Обще-Земской Организаціи не можетъ быть велика.

Многіе, указывая на безвозвратную ссуду нашему уѣзду 23,000 рублей и на средства Обще-Земской Организаціи, считаютъ ихъ вполнѣ достаточными.

Между тѣмъ, одному нашему уѣзду, помимо получаемаго уже продовольственнаго пособія отъ казны, нужно еще 1,650,000 руб., и населеніе, хорошо сознавая это, отчаивается и не знаетъ, какъ оно дотянетъ до весны.

Въ топливѣ и кормѣ у насъ острая нужда. Отдѣльныя семьи, соединяясь, поселяются въ одной избѣ, чтобы сберечь топливо, чтобы хоть своимъ дыханіемъ согрѣть холодныя сырыя стѣны.

Скотъ скупается за безцѣнокъ на шкуру. Безкормица довела его до истощенія. Гурты изможденныхъ, шатающихся отъ слабости лошадей, привязанныхъ къ хвостамъ одна за другую, сгоняются на бойню.

Жертвуйте во имя Христа ежедневно одну только копѣйку въ пользу голодающихъ!

Братіе и сестры—христіане!

Въ настоящее скорбное и многотрудное время мы какъ будто позабыли о томъ ужасномъ народномъ бѣдствіи, которое охватило 23 губерніи средней полосы Россіи. Бѣдствіе это—голодъ, разразившійся надъ нашими центральными губерніями отъ страшнаго недорода хлѣба въ нынѣшнее лѣто. Несчастные голодающіе находятся теперь въ крайне безпомощномъ состояніи. Всѣ, кто посильнѣе изъ нихъ—отцы, матери и братья, ушли изъ дома на сторону, на заработки; а семьи, жены и дѣти ихъ, однѣ остались дома. У нихъ теперь нѣтъ ни хлѣба, ни топлива, ни корма для скота. Все, что можно было продать, они давно уже продали—и имущество и скотъ... Что можно было получить отъ правительства и земства, уже получено .. Но бѣдствіе такъ велико, что предовратить его можно только общими силами добрыхъ людей.

Не будемъ же медлить, братіе! Откроемъ для несчастныхъ свою душу и сердце и поможемъ имъ во имя Христа, заповѣдавшаго намъ накормить алчущаго! Апостолъ Христовъ Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ даетъ такое наставленіе относительно благотворительности: *„въ первый день недѣли каждый изъ васъ пусть отлагаетъ у себя и сберегаетъ, сколько позволитъ ему состояніе“* (1 посл. 16 гл. 2 ст.). Совѣту Апостола необходимо, братіе и сестры, послѣдовать и намъ.

Предлагаемъ всѣмъ, желающимъ во имя любви Христовой облегчить страданія своихъ ближнихъ—*ежедневно откладывать въ пользу голодающихъ по одной только копѣйкѣ* отъ своихъ средствъ, что составитъ въ мѣсяцъ всего 30 копѣекъ. Такая жертва для каждаго изъ насъ посильна и легка, а для голодающихъ она послужитъ въ настоящіе скорбные дни существенной помощью.

Будемъ считать, братіе и сестры, съ нынѣшняго дня эту свою ежедневную копѣйку уже не намъ принадлежащей, а тѣмъ несчастнымъ, которые не имѣютъ сейчасъ и куска насущнаго хлѣба! Сократимъ во имя любви и Христа свои, иногда дорого стоющія намъ, привычки и развлеченія и поможемъ немедленно изъ своихъ сбереженій и средствъ голодающимъ крестьянамъ! Не такое время сейчасъ, братіе и сестры, чтобы намъ предаваться роскоши, или ни въ чемъ себѣ не отказывать... Теперь, среди моря слезъ отъ нищеты и голода, каждая, безъ нужды истраченная копѣйка, есть уже проступокъ предъ лицомъ совѣсти, и каждый напрасно издержанный рубль—преступленіе предъ несчастными голодаю-

щими, просящими нашей помощи. Христосъ зоветъ насъ теперь къ жертвѣ и самопожертвованію. . Поэтому каждый, кто можетъ, пусть откладываетъ, по слову Апостола, еженедѣльно въ пользу ближняго столько, „сколько позволитъ ему состояніе“ (1 Кор. 16 гл. 2 ст.), и „расположеніе сердца“ (2 Кор. 9 гл. 7 ст.), кто желаетъ, откладывайте хотя по одной копѣйкѣ въ день—въ недѣлю всего 7 копѣекъ, а кто можетъ, удѣляйте и больше. „Каждый удѣляй по расположенію сердца, не съ огорченіемъ и не съ принужденіемъ: ибо доброхотно дающаго любитъ Богъ“ (2 Кор. 9 гл. 7 ст.). Научный опытъ говоритъ намъ, что для питанія человѣка, чтобы не умереть ему, достаточно приблизительно 1 р. 50 или 1 р. 60 коп. въ мѣсяцъ. Этимъ указаніемъ могутъ руководствоваться лица, болѣе состоятельныя по своимъ средствамъ, для которыхъ такая существенная помощь томящемуся отъ голода человѣку могла бы послужить великимъ нравственнымъ утѣшеніемъ.

Поможемъ же, братіе, ближнимъ нашимъ во имя Христа и совѣсти своей! Этого требуетъ отъ насъ Богъ и несчастные голодающіе—отцы, матери и дѣти ихъ!

—

Добрые люди, желающіе внести предлагаемое пожертвованіе на голодающихъ—30 копѣекъ за одинъ мѣсяцъ,—благоволятъ направлять свои пожертвованія въ Редакцію „Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостей“, или же вообще въ редакціи газетъ, принимающихъ пожертвованія на голодающихъ. О поступающихъ пожертвованіяхъ въ Редакціи „Кіев. Епарх. Вѣдомостей“ будетъ даваться ежемѣсячный точный отчетъ.

Редакторъ неофф части протоіерей *Ѳ. Титовъ.*
Помощникъ редактора священникъ *І. Троицкій.*

Отъ Кіевскаго духовнаго цензурнаго Комитета печатать дозволяется
8-го декабря, 1905 г.
Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра.
Акціон. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.